

А. Н. Пилюков

КАЗЫМСКИЕ КУЛАКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ

Одной из наименее изученных страниц истории нашего края являются проявления социально-политического протеста коренного населения в советское время. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что любую акцию недовольства аборигенов местное партийное руководство было склонно оценивать как кулацкую, не вдаваясь в тонкости социально-экономического анализа. В советской историографии кулачеством было принято называть сельскую буржуазию. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько корректно употребление этого термина для описания социальных отношений в деревне, мы решили выяснить, каким смыслом наполнялось понятие «кулак» в первой половине 1930-х годов в условиях Обского Севера. В качестве примера возьмем полукочевых казымских ханты, организовавших в начале 1930-х гг. одно из самых известных антисоветских выступлений.

Судя по постановлению Тобольского комитета Севера «О классовом расслоении туземных племен Тобольского Севера» от 1 января 1930 г., кулачеством считалась немногочисленная группа крупных оленеводов, собственников основной массы оленей, державших в кабальной зависимости менее обеспеченных соплеменников. Влияние этих людей в экономической жизни признавалось эксплуатацией капиталистического типа («закабаление бедноты капиталистической верхушкой»). По нашему мнению, социальное размежевание проходило здесь по линии противопоставления экономически доминирующего пришлого населения эксплуатируемому коренному. С одной стороны, коренные жители зависели от русских: те владели набором дефицитных промышленных товаров и продуктов питания (топоры, охотничий инвентарь, хлеб, соль, чай). Получить все это абориген мог лишь в обмен на пушнину, рыбу, продукты собирательства. С другой стороны, советские хозяйственные организации (Госторг, Уралпушнина) самостоятельно добывать, например, пушнину не могли (не имели оленей) и вынуждены были нанимать для этой цели «туземцев».

Факт существования рынков пушнины не подлежит сомнению, однако не заметно каких-либо признаков, указывающих на то, что олень тоже был то-

варом. Чем же на самом деле является хантыйское кулачество? Экономически кулаки-оленеводы — это собственники, однако свою власть над жизненно важным ресурсом они использовали не для того, чтобы ограничить к оленям доступ других соплеменников, а, наоборот, были заинтересованы в том, чтобы отдать оленей тем, кто до конца жизни не смог бы за этот дар расплатиться. Не следует забывать, что извлечение прибавочной стоимости — ценность только в глазах пришлого населения. Между собой оленеводы строили

**Остяцкий
поселок**

отношения на основе характерного для традиционных обществ принципа эквивалентного дара — обмена, суть которого можно изложить следующим образом: если один абориген делает другому настолько щедрый подарок, что возвратить его стоимость не представляется возможным, он получает взамен моральное вознаграждение (престиж, авторитет). Таким образом, амбициозный оленевод набирал «очки» в конкурентной борьбе с другими, подобными ему, претендентами на политическое доминирование. Собственность такого рода не имеет ничего общего с капиталом, однако в условиях экономического доминирования ориентированного на извлечение прибыли пришлого населения крупные оленеводы были вынуждены обозначить свое отношение к рынку. Их функцией стала социальная опека над малоимущими соплеменниками. Не случайно на одном из заседаний Ямальского кочевого совета в 1927 г. оленеводы заявили: «Без богатых жить не можем, они нам помогают, дают безвозмездно оленей и этим помогают нашему хозяйству».

Сконструированный в общих чертах образ кулака можно проиллюстрировать и конкретными примерами из жизни казымских ханты. Всего по трем делам о Казымском восстании 1933–1934 гг. прошло 87 человек. Если из их числа вычесть местных ненцев и оседлых ханты соседнего Полноватского тузсовета, останутся 57 человек. Мы обработали анкетные данные в отношении 33 человек, используя документы двух видов: «Справку об имущественном положении» (составлялась райисполкомом) и «Анкету арестованного и задержанного» (заполнялась самим ханты под контролем следователя). Определяя критерий принадлежности к кулачеству, мы пришли к выводу, что ограничиваться подсчетом количества оленей и фактом найма батраков было бы неправильно. Экономическое влияние пришлого населения оставалось бы в данном случае за скобками. Поэтому число признаков можно дополнить фактом найма оленеводов хозяйственными организациями.

По числу оленей кулаками власти признали 7 человек (граница между середняком и кулаком пролегла на рубеже 100–130 оленей). Трое из них подписали договор о найме с Госторгом

(И. Т. Сенгепов — 130 голов, А. П. Молданов-большой — 150 голов) и Уралпушчиной (Е. С. Вандымов — 140 голов). Батраков никто из них не имел. Всего же наемными охотниками были 20 из 33 оленеводов (имели в общей сложности около 1060 оленей). К группе кулаков, не связанных договорами, следует отнести 4 человек (А. П. Молданов-хромой — 130 голов, Е. А. Ерныхов — 200 голов, М. П. Каксин — 250 голов, Т. Е. Молданов — 550 голов). Трое из них (кроме Ерныхова) держали по 1 сезонному и 1 постоянному батраку. Именно эта, владевшая 1130 оленями, четверка в наибольшей мере подпадает под определение кулака, данное Тобольским Комитетом Севера. Все четверо приняли активное участие в акции протеста, вызвавшей фактическое закрытие школы Казымской культбазы и перевыборы состава местного туземного совета (28 декабря 1931 г. — 12 января 1932 г.).

Действия казымцев в этот период были охарактеризованы Остяк-Вогульским окружкомом партии, представитель которого не позднее 23 марта 1933 выступил с докладом на секретариате Уральского обкома ВКП (б), как «открытое выступление казымских туземцев, организованное местным кулачеством». По сути, это утверждение не противоречит истине, хотя беднота получила в итоге наибольшую выгоду, забрав своих детей из ненавистной школы (детей кулаков туда и так не брали). Проведенные в марте 1933 г. аресты четырех человек (в т. ч. владельцев 550 и 250 оленей Т. Е. Молданова и М. П. Каксина) выбили из числа казымских кулаков двух наиболее обеспеченных оленеводов. В этих условиях стадо в 130–200 оленей стало рассматриваться как огромное богатство. Более того, слухи о том, что ОГПУ собирается схватить не четверых, а 18 человек (что в общих чертах соответствовало действительности), потенциально включали в число кулаков людей, имевших менее 130 оленей. Казымское общество в ответ на это повысило степень престижности данной социальной функции, что соответствовало интересам большинства полукочевников. Утверждение новых кулаков состоялось в ноябре 1933 г. на собрании 40 оленеводов. При обсуждении решения об уходе казымских ханты в тундру возник

вопрос: а будут ли богатые кормить бедняков. После подтверждения кулаками своих претензий на авторитет (они согласились кормить), началось откочевание. Это приравнивалось к «объявлению войны» пришлому населению. Когда 3 декабря 1933 г. на озеро Нум-То прибыла группа работников партийных, советских, карательных и

Раскулаченные на распределительном пункте Нач. XX в.

Из фонда ТГИАМЗ

хозяйственных органов, присутствие в ее составе сотрудника ОГПУ Посохова, проводившего в марте аресты прежних кулаков, навело казымцев на мысль о реальности утраты и других богатых оленеводов. Посохов и приехавшие с ним русские были задумчивы, причем отнюдь не кулаками, хотя Остяко-Вогульский окружком ВКП (б) в постановлении от 13 марта 1934 г., конечно же, назвал эту акцию кулацкой. Кстати, разгром повстанцев произошел сравнительно быстро и бескровно только потому, что, когда бедняки напомнили кулакам условия соглашения, последние проявили скупость. В итоге восставший отряд разбился на небольшие группки, которые стали легкой добычей карателей.

Е. А. Бушаров

«СОМНИТЕЛЬНЫХ ЗАПЕРЕТЬ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ...»

После установления советской власти в Тюменской губернии стала создаваться новая «социалистическая» пенитенциарная система. Из прежних мест заключения продолжали существовать только тюрьмы и арестные дома. Правда, само слово «тюрьма» было заменено более отвечающим провозглашенным властью задачам трудового перевоспитания преступников словосочетанием «исправительный дом», но сути всем известного учреждения — места отбывания наказания для лиц, осужденных на лишение свободы, — это переименование не меняло. В арестных домах — учреждениях временного содержания — осужденные или подследственные, как и в царские времена, находились непродолжительное время. В 1920–1922 гг. исправдома были учреждены в городах Тобольске, Тюмени, Ишиме, а арестные дома — в Ялуторовске, Туринске, Сургуте, Березове. Появились и новые типы мест заключения — сельскохозяйственные колонии и лагеря принудительных работ (концлагеря).

В юридической литературе концентрационный лагерь трактуется как место массового заключения гражданского населения или военнопленных, как правило, во внесудебном порядке. «В отличие от обычных мест лишения свободы, концентрационные лагеря создаются тоталитарными режимами в период террора либо колониальными — в период военных действий; заключение в концентрационных лагерях не носит обычно характера уголовного наказания»¹.

Сомнительная честь создания первых концентрационных лагерей принадлежит испанцам, которые организовали их для изоляции «враждебных и сомнительных элементов» в 1895 г. после начала антиколониального восстания на Кубе. С 1900 г. англича-

¹ Большой юридический словарь. М., 1997. С. 316.